показывалъ г. Др—му, который нѣсколько лѣтъ жилъ на р. Амурѣ; онъ тотчасъ сказалъ, что это енотъ и что совершенно такіе же еноты водятся и на Амурѣ, которые живутъ тамъ въ пологихъ норахъ, бываютъ чрезвычайно жирны, медленны въ движеніяхъ; тамъ ихъ ловятъ въ различныя поставушки, загоняютъ на лошадяхъ и давятъ собаками.

21. БАБРЪ.

Вѣроятно, читатель ужь догадался, какого звѣря сибиряки называютъ бабромъ; да оно и не трудно для образованнаго человѣка. Ну, а если да мои замѣтки попадутся въ руки только грамотному, да еще простолюдину, который прочтетъ—бабръ и станетъ втупикъ! Въ головѣ его быстро завертятся всѣ извѣстные ему звѣри, а этого не найдется, навѣрное не найдется, ручаюсь въ этомъ. Желалъ бы я знать, на кого онъ подумаетъ, къ кому отнесетъ это названіе? Всего вѣроятнѣе, что онъ сначала почешетъ въ затылкѣ и скажетъ: «это звѣрь не тутошный, поди-ка, заморской». Я помню, было время, что у русскаго простолюдина, все, что ему незнакомо, было заморское. Не знаю, какъ теперь. Оставаясь при старомъ мнѣніи, я скажу ему, что бабръ звѣрь не заморскій, а просто попадающійся въ восточной Сибири и на р. Амурѣ (про Сибирь-то и Амуръ, поди-ка, онъ знаетъ, первая извѣстна издавно, а послѣдній-то вѣдь шибко прогремѣлъ по всему бѣлому свѣту), и что сибиряки бабромъ зовутъ безъ различія барса и тигра, звѣрей лютыхъ, сильныхъ, кровожадныхъ, питающихся преимущественно живою добычею и которые по величинѣ не меньше медвѣдя!...

Извѣстно съ давнихъ временъ, что въ Даурію нерѣдко заходятъ изъ Манджуріи, Тибета и другихъ уголковъ Небесной Имперіи тигры и барсы. Я думаю, объ этомъ неоднократно доходили темные слухи до образованной Европы изъ глухой Дауріи. По крайней мѣрѣ мнѣ помнится,—когда я былъ еще маленькимъ, то, сидя на школьной скамейкѣ, слышалъ отъ профессора о появленіи иногда въ восточной Сибири тигровъ и барсовъ, но не обратилъ тогда на это никакого вниманія,

пропустилъ, что называется, мимо ушей и чуть ли не смотрѣлъ тогда въ окно на прохожихъ и проѣзжихъ, а главное, разнощиковъ, которые такъ сладко и заманчиво выкрикивали: «пильсины, лимоны хоро-ши!..» Дѣйствительно, кажется, этотъ сладостный мотивъ помѣшалъ тогда и не мнѣ одному со вниманіемъ выслушать профессора... Бога ради извини, читатель, забравшемуся въ такую глушь и трущобу страстному охотнику за пріятныя воспоминанія дѣтства и тѣхъ счастливыхъ минутъ безпечной жизни... Право, слезы на глазахъ! простите за слабость, Бога ради простите, — виноватъ, тысячу разъ виноватъ!..

Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что въ южную половину восточной Сибири изрѣдка заходятъ тигры и барсы. Про нихъ, какъ временныхъ гостей даурской фауны, распространяться описаніемъ я не считаю себя въ правѣ, тѣмъ болѣе потому, что объ нихъ знаетъ весь образованный міръ и безъ моихъ замѣчаній, а сами по себѣ эти звѣри здѣсь не составляютъ предмета охоты и появленіе ихъ считается чрезвычайнымъ случаемъ. Но опять мнѣ нельзя же было и не упомянуть объ этихъ звѣряхъ въ охотничьихъ замѣткахъ, потому что они сюда заходятъ, гостятъ, на нихъ охотятся, хотя рѣдко и большею частію случайно.

Со времени присоединенія Амура, побывавшія тамъ лица разсказываютъ, что въ тѣхъ краяхъ бабры не составляютъ особенной рѣдкости, и что къ нимъ даже, будто бы, привыкли тамошніе инородцы, но за то ими страшно напуганы забайкальскіе переселенцы. Впрочемъ, нѣсколько штукъ ихъ уже убито тамошними русскими промышленниками, но, къ сожалѣнію, не безъ непріятныхъ приключеній. Жители Амура зовутъ бабра «лютымъ звѣремъ» или просто «лютымъ».

Амурскіе выходцы разсказываютъ много интересныхъ случаевъ и встрѣчъ съ тамошними бабрами. Если вѣрить этимъ разсказамъ, которые, впрочемъ, передаются разными лицами почти съ одинаковой точностью и вѣрностью, то хищность, алчность, сила и наглая неустрашимость этихъ звѣрей достойны особаго замѣчанія. Конечно, и тамъ бабры тоже китайскіе выходцы, а не осѣдлые обитатели края, какъ и въ Забайкальѣ; только тамъ они встрѣчаются гораздо чаще,

что конечно зависитъ отъ географическаго положенія самой страны. По разсказамъ, въ станицѣ Доброй, находящейся на самой южной оконечности при-Амурья, зимою 1860 года, бабры показали чудеса своей наглости и силы: они приходили въ самое селеніе среди бѣлаго дня, таскали изъ дворовъ собакъ, различныхъ домашнихъ животныхъ, какъ-то: уносили на себѣ коровъ и лошадей, даже будто бы заглядывали въ окна избъ, и преспокойно уходили съ добычей, не будучи преслѣдуемы, вслѣдствіе паническаго страха, наведеннаго на жителей своей неустрашимостью. Не бывъ очевидцемъ подобныхъ приключеній, а только слушая разсказы, поневолѣ усомнишься въ истинѣ ихъ и скажешь про себя: — «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!» Положительно извѣстно только то, что бабры никогда не боятся открытаго нападенія, всегда встрѣчаютъ смѣло грудью отважныхъ промышленниковъ и, при малѣйшемъ промахѣ съ ихъ стороны, жестоко платятъ своими огромными и острыми зубами и когтями за удальство сибирскихъ немвродовъ. Не было еще примѣра, чтобы бабры, окруженные иногда со всѣхъ сторонъ охотниками, струсили и убѣжали. Но про трусость и ненаходчивость промышленниковъ, которые слыли своею неустрашимостію при поединочномъ боѣ съ медвѣдемъ, а при видѣ бабровъ робѣли,—разсказываютъ много случаевъ. Какъ слышно, довольно бабру сдѣлать два или три невѣроятной величины прыжка и заревѣть громовымъ, потрясающимъ душу голосомъ — какъ «задрожатъ поджилки» у самаго небоязливаго промышленника. Но это, быть можетъ, потому только еще бываетъ, что сибирскіе охотники не познакомились хорошенько съ характеромъ и привычками лютаго звѣря. Приведу нѣсколько примѣровъ истинныхъ событій, случившихся въ Забайкальскомъ краѣ и разсказанныхъ мнѣ большею частію очевидцами, относительно появленія здѣсь бабровъ. Лѣтъ около 30-ти тому назадъ (въ 30-хъ годахъ), въ окрестностяхъ деревни Кучугáя крестьяне, въ сѣнокосъ, мелькомъ увидали въ лѣсу бабра, но тѣмъ дѣло было и окончилось. Настала осень, а съ нею и холодные заморозки, вѣрные предвѣстники близкой зимы; полетѣли бѣлыя мухи, какъ говорятъ нѣкоторые сибиряки; рѣчки и озера передернулись льдомъ;

настало давно ожидаемое время здѣшними промышленниками — время бѣлковья (см. ст. «Бѣлка и бѣлковье», которая помѣщена въ концѣ Замѣтокъ). Закопошились мужики-звѣровщики, стали налàживать (приготовлять) свои забавныя винтовки, закупать свинецъ и порохъ, и проч. Наконецъ, прошло еще нѣсколько дней, и промышленники цѣлыми ватагами отправились въ тайгу на бѣлковье. Спустя съ мѣсяцъ или нѣсколько болѣе, нѣкоторые изъ нихъ уже вернулись изъ тайги домой съ богатой пушниной. Вотъ въ числѣ этихъ-то промышленниковъ, воротившихся изъ лѣсу, и были три брата Исачкиныхъ *), которые жили въ деревнѣ Кучугаѣ. Послѣ этого возвращенія Исачкины жили дома. Однажды, поужинавъ, прибравшись на дворѣ и напоивъ коней (сибиряки не говорятъ лошадей), легли спать. Но рано утромъ, передъ затòплей (время, когда въ деревняхъ начинаютъ топить печи), одному изъ братьевъ вздумалось выйти ко дворамъ, чтобы посмотрѣть, все-ли благополучно,—какъ вдругъ онъ увидалъ во дворѣ двухъ неподвижно лежащихъ коней съ вырванными глотками, а остальныхъ лошадей и вовсе не было во дворѣ. Испугавшись и прибѣжавъ въ избу, Исачкинъ сказалъ про это братьямъ. Тѣ выскочили въ сѣни и вмѣстѣ съ нимъ съ трудомъ разглядѣли въ сѣнникѣ спокойно лежащаго бабра (надо замѣтить, что здѣсь крестьянскіе дворы не крытые и сѣно валится прямо на землю, въ особо загороженный дворъ, сѣнникъ, который обыкновенно и дѣлается вблизи конскаго и скотскаго дворовъ). Увѣряютъ, что мать Исачкиныхъ, старуха преклонныхъ лѣтъ, была женщина очень умная и къ тому же колдовка (довольно и перваго); она заранѣе узнала причину несчастія и сказала, какъ поступить съ рабойникомъ-бабромъ. Исачкины возвратились въ избу, испросили благословенія у матери, зарядили винтовки и, дождавъ зари, когда уже стало возможнымъ съ ясностію различать предметы, вышли и, подкравшись къ сѣновалу, выстрѣлили залпомъ въ лежащаго бабра, послѣ чего сами стремглавъ бросились въ

*) Большая часть настоящихъ сибирскихъ фамилій не оканчивается на ны, а ыхъ, напримѣръ: — Черемныхъ, Сизыхъ и т. п., вѣроятно потому, что сибиряки всегда спрашиваютъ незнакомаго человѣка такъ: «чьихъ вы»?

избу. Бабръ, раненый двумя пулями, какъ молнія, бросился изъ сѣновала, но, ослабѣвъ, ударился такъ сильно грудью объ заплотъ, что вышибъ цѣлое прясло плахъ, забранныхъ въ глубокихъ пазахъ между двумя столбами; послѣ чего, въ страшныхъ судорогахъ, съ оглушительнымъ ревомъ, пропалъ тутъ же около сѣновала. Говорятъ, что если бы онъ не ударился такъ сильно объ заплотъ, то надѣлалъ бы много шуму, а пожалуй и несчастій въ Кучугаѣ. Это былъ барсъ огромнѣйшей величины и, какъ надо полагать, лѣтомъ забѣжалъ изъ Китая въ Забайкалье, жилъ въ лѣсу, кормился большими дикими звѣрями, а когда стало холодно и пища не такъ легко, какъ лѣтомъ, попадалась ему на зубы,—онъ и переселился поближе къ селенію, гдѣ надѣялся легче добывать себѣ пропитаніе. Забраться въ самое селеніе, мало того — во дворъ, задавить двухъ лошадей и лежать спокойно тутъ же, на мѣстѣ преступленія — какая смѣлость и кровожадность!.. Шкура этого барса была желтовато-бѣлая, съ темно-коричневыми поперечными кольцами, неправильно разбросанными по свѣтлому фону. Она была подарена крестьянами, въ знакъ уваженія и особенной благодарности (?!), завѣдывающему ими покойному К. З. Р-къ, который и употребилъ ее на полсть. Случай этотъ я слышалъ изъ устъ одного изъ братьевъ Исачкиныхъ.

Тоже лѣтъ десять тому назадъ, былъ убитъ тигръ, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Аргунской, казаками, косившими сѣно, и при этомъ одинъ изъ нихъ палъ жертвою лютаго звѣря. Шкура этого звѣря долго хранилась, какъ рѣдкость, у нерчинскаго почетнаго гражданина Н. Х. К—го. А вотъ и еще случай. Нѣсколько лѣтъ назадъ, былъ убитъ тигръ тунгузами около деревни Бушулéй, въ которую онъ забрался ночью, позднею осенью, и задавилъ тоже во дворѣ коня. Утромъ его выслѣдили, отыскали въ лѣсу и убили изъ винтовокъ благополучно.

Надо замѣтить, что здѣшніе промышленники чрезвычайно боятся бабровъ. Боязнь эта выражается тѣмъ, что если кто нибудь изъ нихъ найдетъ слѣдъ бабра, то, по принятому народному повѣрью, онъ долженъ идти отъ него «взадпятки», непрестанно кланяясь до земли, до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ

не потеряетъ изъ виду этотъ слѣдъ. Промышленники, въ особенности тунгузы и орочоны, крѣпко убѣждены въ томъ, что если они будутъ кланяться слѣду бабра, то тѣмъ самымъ испросятъ помилованіе отъ звѣря.

Не лишнимъ нахожу сообщить здѣсь одну легенду, которая съ незапамятныхъ временъ существуетъ между здѣшними инородцами, именно орочонами и частію тунгузами. Суевѣріе кочующихъ туземцевъ возводитъ бабра, равно какъ и лебедя, въ число ихъ божествъ; почему они перваго бьютъ только въ такомъ случаѣ, если онъ нанесъ имъ видимый ущербъ, или покушался на собственную ихъ жизнь, лебедя же они не бьютъ никогда. Про него тоже есть какая-то легенда, содержаніе которой я узнать не могъ; слышалъ только отъ орочонъ, что они лебедя не бьютъ потому, что будто бы самка-лебедка носитъ на себѣ мѣсячное очищеніе, какъ женщина. Они въ этомъ убѣждены, хотя и говорятъ, что человѣкъ по грѣхамъ своимъ видѣть этого очищенія не можетъ.

Но вотъ легенда про бабра, которую я узналъ отъ одного дружнаго мнѣ орочона въ рѣдкій часъ откровенности сибирскаго туземца. «Однажды (еще Богъ знаетъ когда) перекочевывала цѣлая семья орочонъ изъ одной пади въ другую. Семья эта состояла изъ стараго орочона и трехъ его женатыхъ сыновей. Въ одно прекрасное утро послѣ продолжительнаго отдыха съ дальней и трудной перекочевки, старикъ-орочонъ замѣтилъ невдалекѣ отъ ихъ табора лежащаго бабра. Старикъ испугался и, посовѣтовавшись съ сыновьями и поклонившись бабру, поспѣшно снялся съ табора и перекочевалъ снова въ другую падь, чтобы уйти отъ звѣря. Но утромъ на другой день они опять увидали того же бабра, лежащаго противъ юрты младшаго сына. Перепугавшись больше вчерашняго, они снова поклонились звѣрю и перекочевали въ третье мѣсто. Тамъ повторилась та же исторія; бабръ лежалъ опять невдалекѣ противъ юрты младшаго сына. Отецъ, видя неминуемую бѣду, счелъ преслѣдованіе бабра за негодованіе его къ ихъ грѣхамъ, почему, посовѣтовавшись съ двумя старшими сыновьями, присудилъ оставить младшаго сына на этомъ мѣстѣ въ жертву лютому

звѣрю. Сынъ повиновался. Ему оставили винтовку, ножикъ, огниво, огнестрѣльные припасы и другія необходимыя вещи; а сами, отецъ съ двумя старшими сыновьями, снялись и перекочевали въ новое мѣсто, сказавъ покинутому орочону, что если онъ останется живъ, то къ нимъ бы ужь больше не присоединялся. Они ушли. Бабръ тоже скрылся. Молодой орочонъ остался въ жертву. Стало смеркаться. Страхъ, тоска по своей семьѣ, невыразимая грусть судорожно стянули грудь несчастнаго орочона; съ трепетомъ и замирающимъ сердцемъ оглядывался онъ кругомъ на густую чащу лѣса, на высокія сосны, на величественные кедры и вѣчно трясущіяся осины— все было зелено вокругъ, все дышало жизнію и какъ бы предвѣщало жизнь; глядѣлъ онъ и на синѣющую даль глухой тайги, которая, какъ темная могила, въ свою очередь сурово глядѣла на него издали и какъ бы дышала сыростію и пробирающимъ до костей холодомъ; глядѣлъ онъ и на верхушки громадныхъ высокихъ горъ, по которымъ еще бѣгалъ послѣдній догорающій лучъ вечерней зари, который какъ бы прощался и съ нимъ, сыномъ свободы, несчастной жертвой слѣпаго предразсудка... Тяжко приходилось орочону, сильнѣе билось его свободное сердце и кровь холодѣла въ жилахъ! А въ лѣсу становилось все темнѣе и темнѣе и безмолвная тишина какъ бы слушала его неровное, но сильное біеніе сердца и еще больше смущала и безъ того уже настроенное воображеніе и дрогнувшую душу. Знакомый крикъ ворона и столь извѣстный ему ревъ дикой козули, изрѣдка нарушавшіе эту могильную тишину, съ громкимъ эхомъ раскатившіеся по безпредѣльной пучинѣ тайги,—тутъ казались ему громовымъ голосомъ приближающагося бабра... Но есть кризисы въ жизни человѣка, и орочонъ, какъ бы очнувшись, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда ушли его родные, взялъ винтовку, подошелъ къ дереву, взобрался на его мохнатыя вѣтви и сталъ дожидать конца своей судьбы,— какъ бы сказавъ: отъ звѣря-ль вольному могила!... Настала ночь. Послышались легкіе шаги бабра, который чрезъ нѣсколько минутъ тихо и гордо подошелъ прямо къ тому дереву, гдѣ сидѣлъ орочонъ. Видя его испугъ, бабръ легъ подъ деревомъ, тихо рычалъ и медленно, какъ кошка, шевелилъ

хвостомъ; потомъ онъ всталъ и началъ какъ бы манить къ себѣ орочона, который, блѣднѣе смерти, сидѣлъ высоко на деревѣ и не внималъ привѣтствіямъ звѣря. Бабръ разсердился, глазами разбойника окинулъ орочона, медленно отошелъ отъ дерева на нѣсколько саженъ, поворотился къ нему головой и снова манилъ къ себѣ орочона. Тотъ сидѣлъ и не спускался на землю. Тогда бабръ разсердился сильнѣе прежняго, заревѣлъ, какъ буря, грозно замахалъ хвостомъ, присѣлъ, выпустилъ свои огромные когтищи и съ быстротою молніи бросился къ дереву; въ нѣсколько неимовѣрной величины прыжковъ достигъ онъ его и прискокнулъ высоко отъ земли, чтобы схватить орочона. Но Богъ не допустилъ его до этого, ослабилъ силы звѣря и наказалъ за кровожадный умыселъ:— бабръ, не допрыгнувъ до орочона, попалъ въ развилину между сучьями и завязъ. Тогда орочонъ, видя промыслъ Божій, пришелъ въ себя, спустился къ бабру и наступилъ ему на шею, прижавъ къ суку такъ крѣпко, что звѣрь едва переводилъ дыханіе. Орочонъ, видя свою побѣду и безопасность, вскорѣ сжалился надъ лютымъ врагомъ, который покорнымъ движеніемъ хвоста и молящими глазами просилъ помилованія. Тогда онъ, тронутый до глубины сердца, освободилъ бабра и руками вытащилъ его изъ развилины, и звѣрь, обезсилѣвъ, тяжело и глухо рухнулся на сырую землю; долго лежалъ онъ и стоналъ, какъ человѣкъ, потомъ, очнувшись, сталъ снова звать къ себѣ орочона, но уже гораздо ласковѣе прежняго. Въ этотъ разъ орочонъ долго не думалъ—онъ живо спустился къ бабру, который всячески старался выказать свою благодарность, при чемъ облизалъ ему руки и ноги, поклонился въ землю (ужь не знаю, какъ?), отошелъ отъ него и началъ таскать дрова. Орочонъ высѣкъ огня и разложилъ костеръ. Бабръ принесъ ему дикую козу и позавтракалъ вмѣстѣ съ орочономъ; съ этихъ поръ онъ сталъ жить съ орочономъ неразлучно и помогать ему, принося различныхъ звѣрей или подгоняя ихъ подъ его выстрѣлы. Такъ жилъ онъ съ нимъ два года. Орочонъ разбогатѣлъ и вздумалъ снова присоединиться къ семейству. Отецъ его принялъ, но бабръ оставилъ и уже больше не являлся».

Странно видѣть, съ какимъ суевѣріемъ, энтузіазмомъ и

жестами разсказываютъ эту легенду орочоны, но надо замѣтить, не всѣмъ, а лицамъ довѣреннымъ и коротко знакомымъ. Я сохранилъ въ этомъ интересномъ разсказѣ послѣдовательно всѣ мысли разсказчика, чуть не буквально, не пропустилъ ни одной и ручаюсь за вѣрность переданнаго смысла легенды.

Если хватитъ терпѣнія и времени, я постараюсь поближе познакомить читателя съ кочующими орочонами, съ ихъ образомъ жизни, нравами, привычками, суевѣріемъ и проч.

Говоря въ этой статьѣ болѣе, нежели въ другихъ, объ Амурскомъ краѣ, я, какъ охотникъ, радуясь удобному случаю, сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній, которыми я и самъ воспользовался отъ достовѣрныхъ лицъ, бывшихъ на Амурѣ нѣсколько лѣтъ сряду. Тамошніе волки огромнѣйшей величины, такъ что превосходятъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. — Кромѣ обыкновенныхъ зайцевъ, тамъ часто попадаются совершенно черные, ничѣмъ не отличающіеся по фигурѣ и статямъ отъ первыхъ, тогда какъ они въ Россіи, западной и восточной Сибири составляютъ большую рѣдкость. Шкурокъ ихъ я не видалъ и потому ничего не могу сказать о нихъ какъ очевидецъ. Амурскіе медвѣди далеко не такъ свирѣпы какъ забайкальскіе, такъ что медвѣдица съ дѣтьми нерѣдко убѣгаетъ отъ охотника и оставляетъ медвѣжатъ на явную смерть—очевидная трусость звѣря, тогда какъ въ Забайкальѣ не было еще примѣра, чтобы медвѣдица бросила своихъ дѣтей безъ защиты. Здѣсь она съ дѣтьми — страхъ и смерть беззащитному человѣку. Только смертельная рана заставляетъ ее стиснуть огромныя челюсти, усаженныя большими острыми зубами, и опустить чудовищныя лапы, вооруженныя чуть не желѣзными когтями.

Говорятъ также, что на Амурѣ водится особенный видъ звѣрей, тоже хищныхъ, которыхъ амурцы называютъ дикими собаками. Я не имѣю о нихъ никакого понятія.